

1812ый годъ въ каррикатурѣ.

Москва.—1912 г.

Тип.-лит. И. Ф. Смирнова, Москва.

1812
ГОДЪ
ВЪ КАРРИКАТУРѢ.

Москва.—1912 г.

Москва,
Типо-Литографія И. Ф. СМИРНОВА, Большая Дмитровка, домъ Чуксиной.
1912

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Карикатура, какъ видъ такого графическаго или пластическаго искусства, которое ставитъ своей задачей осмѣять извѣстное явленіе, будь то личность или событіе, существовала уже въ глубокой древности.

Правда, фактическаго матеріала, который подтверждалъ бы это, осталось весьма мало. Но извѣстное доказательство, что это именно такъ, можно усмотрѣть въ наличности древней литературы забавнаго и комическаго свойства: смѣхъ въ письмѣ говоритъ за то, что одновременно съ нимъ долженъ былъ существовать и смѣхъ художественный въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сказавшійся, напримѣръ, въ статуэткѣ, изображающей римскаго сенатора съ ослиной головой...

Въ Россіи, во многихъ отношеніяхъ идущей по пятамъ Запада и при томъ на „дистанціи огромнаго размѣра" и карикатура появилась значительно позже, чѣмъ тамъ, питаясь преимущественно заимствованными оттуда сюжетами.

Сначала наша карикатура носила характеръ религіозно-нравственнаго поученія. Это было изображеніе небеснаго воздаянія за грѣховную земную жизнь.

Злой человѣкъ, караемый на томъ свѣтѣ огненными вѣниками. Пороки и добродѣтели на вѣсахъ. Видѣніе, какъ изъ 30.000 душъ лишь 2 души попали въ рай,—все это было въ сущности карикатурной иконописью, черпавшей свои темы съ писанныхъ на монастырскихъ и церковныхъ папертяхъ картинъ.

Свѣтской стала у насъ карикатура въ XVII вѣкѣ, послѣ того какъ въ Россію проникли гравированные на мѣди и деревѣ „потѣшные нѣмецкіе листы".

Весьма знаменательно, что она сразу сдѣлала своимъ объектомъ тогдашнее правосудіе, отъ котораго такъ страдало населеніе.

Къ такимъ, если можно такъ выразиться, судебнымъ карикатурамъ относятся извѣстный „Шемякинъ судъ", „Судъ дворянина съ крестьяниномъ", „Дѣло о побѣгѣ бѣлаго пѣтуха" и, особенно, ѣдкая по замыслу карикатура „Подьячій и смерть", гдѣ изображенъ подьячій, который хочетъ откупиться отъ пришедшей за нимъ смерти и предлагаетъ ей взятку.

Изъ весьма немногочисленныхъ политическихъ карикатуръ того времени упомянемъ популярную пародію на введенные Петромъ Великимъ забавы и обычаи „Мыши кота погребаютъ" и менѣе извѣстную, отразившую его преобразованія „Цирюльникъ и раскольникъ".

О крайней примитивности ихъ и дальнѣйшихъ карикатуръ бытового типа (на пьянство, скупость стремленіе женщинъ помолодѣть), выражавшейся какъ въ самой техникѣ, такъ и въ трактовкѣ сюжетовъ, и говорить нечего.

Все это было безграмотно по рисунку и порою очень грубо по содержанію.

Особенно много поставляла этихъ лубковъ такъ называемая „Ахметьевская фабрика" существовавшая въ Петербургѣ въ концѣ XVIII вѣка, изъ граверовъ которой наиболѣе извѣстенъ Чуваевъ.

Оригинальнаго творчества въ этой области тогда почти не было. Пробавлялись наспѣхъ сработанными копіями съ иностранныхъ карикатуръ и, когда нужно было, передѣлкой ихъ на родной ладъ.

Самостоятельная карикатура появилась въ Россіи лишь въ началѣ XIX вѣка и неразрывно связана съ именами Теребенева; Венеціанова и, пожалуй, Иванова.

II.

Иванъ Ивановичъ Теребеневъ родился въ 1780 году. Когда ему исполнилось 6 лѣтъ, отецъ, малоизвѣстный художникъ и скульпторъ, опредѣлилъ его въ Академію Художествъ:

„Я подписавшійся отъ даю добровольно въ воспитательное при Императорской Академіи Художествъ училище, на основаніи академическаго устава, сына моего Ивана съ темъ, что до истеченія предписанныхъ въ уставѣ урочныхъ лѣтъ обратно, инеже на время, для какихъ бы то причинъ требовать не буду".

Мальчикъ былъ опредѣленъ по классу живописи. Къ ней именно онъ чувствовалъ тяготѣніе, а не къ скульптурѣ. Но случилось такъ, что юный Теребеневъ оказался вынужденнымъ заняться какъ разъ тѣмъ, къ чему у него не было охоты.

Въ скульптурномъ классѣ было очень мало учениковъ. Чтобы пополнить недостатокъ въ нихъ, начальство, очевидно, совершенно не считавшееся съ природными склонностями воспитанниковъ, перевело мальчика изъ живописнаго класса въ скульптурный.

Выдающіяся способности этого ученика сдѣлали то, что и приневоленный къ тому роду искусства, который мало увлекалъ его, онъ черезъ 15 лѣтъ получилъ аттестатъ I степени, золотую медаль за свои барельефы, 3 серебрянныя—за лѣпку съ натуры и композицію и, вдобавокъ,—предложеніе остаться при Академіи въ качествѣ кандидата на профессорское мѣсто.

Всѣ внѣшнія „особыя примѣты" за то, что наша скульптура не только могла, но и должна была ожидать появленія мастера, который прославитъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Россію...

Но этого не произошло. Академизмъ пожалъ то, что посѣялъ. Давъ Теребеневу школу и не вдохнувъ въ него животворящей любви къ дѣлу, онъ „изготовилъ" не творца, въ рѣзцѣ котораго трепещетъ подлинное вдохновеніе, а добросовѣстнаго лѣпщика.

„Лучшія изъ немногихъ извѣстныхъ его произведеній—3 декоративныхъ барельефа на фасадѣ Адмиралтейства: „Заведеніе флота", „Ѳемида" и „Увѣнчаніе художника"—отличаются холодностью замысла и сухостью исполненія. Грамотная ихъ лѣпка и извѣстная стильность далеко не окупаютъ отсутствія въ нихъ жизни и творческой силы. Ихъ классическія фигуры и группы могутъ только свидѣтельствовать о добросовѣстномъ выполненіи опытнымъ академическимъ ваятелемъ казеннаго заказа, выполненіи условномъ и бездушномъ".

Остаться при Академіи, какъ то было ему предложено, молодой Теребеневъ не пожелалъ. Отчего?

„По пылкости и легкомыслію характера, не терпящаго принужденія", — говоритъ его біографъ, Востоковъ, свидѣтельствующій,—что Теребеневъ не могъ подчиниться требованіямъ пансіонерской жизни и, „рѣшилъ идти своимъ путемъ неопытнаго и безпечнаго юноши, который натурально не велъ ни къ храму славы, ни къ храму богатства".

Что это были у Теребенева за „пылъ и легкомысліе", этого его біографъ, между прочимъ, умолчавшій и о причинахъ, по которымъ нашъ художникъ вопреки своей склонности оказался вынужденнымъ обучаться скульптурѣ, не поясняетъ.

Верещагинъ относится къ свидѣтельству Востокова о „пылѣ и легкомысліи" Теребенева недовѣрчиво.

Прежде всего, по его мнѣнію, трудно предположить, чтобы Теребеневъ, всю жизнь испытывавшій крайнюю нужду, отказался отъ предстоявшей ему командировки заграницу на казенный счетъ и вообще отъ блестящей будущности.

Не вѣрится также ему, чтобы Теребеневъ не могъ примириться съ условіями пансіонерской жизни, въ которой „за исключеніемъ осуществляемаго въ Римѣ нашей Академіей довольно поверхностнаго надзора" никакихъ „особыхъ" стѣсненій не было.

„Самый характеръ, наконецъ, и исключительныя особенности того времени, въ которое Теребеневъ начиналъ жизнь, воздѣйствовали бы совершенно иначе на его нравственную личность, если бы онъ дѣйствительно былъ пылкимъ и легкомысленнымъ юношей. Это удивительное время окрылило-бы въ такомъ случаѣ его своимъ страстнымъ порывомъ и безумной мечтой, свѣтлымъ очарованіемъ надежды. Въ томъ трепетѣ душевнаго подъема, которое охватило современное ему общество, впечатлительный юноша съумѣлъ бы найти вдохновительный источникъ творческой силы, мысли и слова. Если онъ этого источника не нашелъ, если сила, слова и мысль въ немъ проявлялись незамѣтно и блѣдно, то виной къ тому не излишекъ, конечно, а скорѣе недостатокъ воспріимчивости".

Опираясь на всѣ эти, кажущіяся ему достаточно вѣскими, показанія противъ чуткости Теребенева, Верещагинъ даетъ картину „дней Александровыхъ прекраснаго начала", когда въ Россіи впервые возникли политико-литературные союзы и кружки и тутъ, останавливаясь на участіи Теребенева въ „Вольномъ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ", впадаетъ въ очевидное противорѣчіе съ самимъ собой...

Основанное студентами Борномъ, Волковымъ, Дмитріевымъ, Красовскимъ, Михайловымъ и Попугаевымъ, это Вольное общество было и собственное литературнымъ, и въ то же время соціально-политическимъ.

Это послѣднее направленіе сказывалось въ чтеніи переводовъ изъ разныхъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка или собственныхъ произведеній на тѣ-же темы.

Думой Вольнаго общества былъ Попугаевъ.

„Талантливый юноша—мечтатель, отдавшій свои силы безкорыстной и пламенной политической проповѣди и благороднымъ идеаламъ торжествующей правды, свѣта и всеобщаго счастья, задавшійся въ началѣ Александровскаго царствованія такими мечтами, и цѣлями, которыя не вполнѣ осуществлены и черезъ 100 лѣтъ послѣ его смерти".

Прозаикъ и поэтъ,—Попугаевъ касался въ своихъ произведеніяхъ всевозможныхъ соціально-политическихъ вопросовъ, страстно отстаивая новыя идеи о государственномъ устройствѣ, свободѣ личности, высокой роли науки и литературы и объ уничтоженіи сословнаго и политическаго эгоизма.

Не скрывая своей горячей привязанности къ тому, что было въ историческомъ укладѣ русской жизни выдающагося и искренно преклоняясь передъ Петромъ Великимъ и Екатериной, Попугаевъ тѣмъ не менѣе критиковалъ неограниченную монархію, въ которой отсутствуютъ „твердые законы и особенно конституція" и гдѣ „политическая сила пребываетъ только въ одномъ Государѣ, народъ же на оную никакого вліянія не имѣетъ", а такъ какъ „воля сія не имѣетъ иного обузданія, кромѣ собственнаго разсудка, который и у государей великихъ, столь рѣдкихъ, помрачается куреніями лести, то народы часто страждутъ отъ ига деспотовъ".

Верещагинъ находитъ эту краткую характеристику Попугаева необходимой. Почему?

„Уже по одному тому, что можно съ большой вѣроятностью предполагать существованіе между нимъ и Теребеневымъ извѣстной близости отношеній, а, быть можетъ, и солидарности мыслей", на что

кромѣ переписки Теребенева указываетъ и выходъ Теребенева изъ Вольнаго общества въ самый день исключенія Попугаева по совершенно не освѣщенному, частному—ссора съ однимъ изъ членовъ—поводу.

Къ такому-же типу людей, по направленію мыслей, по крайней мѣрѣ,—заключаетъ Верещагинъ,—долженъ былъ подходить и Теребеневъ, уже одно вступленіе котораго въ Вольное общество „по части художествъ" и долголѣтнее пребываніе въ немъ, даютъ основанія предполагать въ немъ извѣстное сочувствіе съ его стороны тревожнымъ исканіямъ эпохи, и отношенія Теребенева къ Попугаеву вполнѣ подтверждаютъ эти предположенія.

Хотя участіе Теребенева въ Вольномъ обществѣ свелось, повидимому, лишь къ регулярному посѣщенію собраній, интересы этой организаціи, какъ видно изъ его переписки, были ему близки и дороги.

Вскорѣ Теребеневъ отправляется по порученію Вольнаго общества въ Тверь—поискать, нѣтъ-ли тамъ относящихся къ родной старинѣ рѣдкостей. Продолжительныя изысканія оказываются безрезультатными. Въ своихъ письмахъ оттуда онъ безъ малѣйшей рисовки и позы говоритъ о своемъ тамошнемъ житьѣ-бытьѣ.

„Въ этихъ блесткахъ прошлаго, до насъ случайно долетѣвшихъ, воскресаетъ передъ нами полный жизненной правды обликъ скромнаго труженника, добраго и благороднаго, прямого и честнаго, зарывшаго свои способности въ медвѣжьемъ углу, забитаго судьбою. И, несмотря на разлуку съ друзьями, на полное отсутствіе общности интересовъ съ окружавшими его людьми и ничтожный заработокъ, еле достаточный для прокормленія семьи, въ Теребеневѣ не чувствуется ни злобы, ни ненависти. Онъ переноситъ всѣ удары судьбы съ чисто-славянскимъ смиреніемъ и только выражаетъ постоянно и настойчиво въ каждомъ письмѣ, въ каждомъ помыслѣ, страстное желаніе вернуться къ друзьямъ, къ заброшенному имъ поневолѣ искусству, стремленіе спастись отъ постепенно засасывающей тины ужасающей жизни въ провинціи".

За уроки рисованія Теребеневъ получалъ по 50 копѣекъ, но и такихъ уроковъ у него было мало.

Въ Твери онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ и былъ этимъ выборомъ очень доволенъ: „собой изрядна, добра, короче сказать, очень любезна и, что еще, при всѣхъ добрыхъ наклонностяхъ души, имѣетъ неоцѣненный и божественный даръ,—чувствительность, безъ чего всякая женщина мертва".

Заниматься скульптурой Теребеневъ въ Твери не могъ, такъ какъ ни матеріала для лѣпки, ни формовщиковъ тамъ не было, и въ итогѣ отъ томительной скуки не спасали его по собственному признанію „ни жена, ни философія".

Нѣкоторое развлеченіе нашелъ онъ въ рисованіи и съ радостью оповѣстилъ своего корреспондента, что имъ уже исполнено карандашемъ, тушью и соковыми красками 10 рисунковъ: „Муцій Сцевола", „Пигмаліонъ, влюбленный въ свою статую", „Наталья, боярская дочь", „Бѣдная Лиза", „Добродѣтельная римлянка», «Сафо, бросающаяся со скалы въ море», аллегорія на происхожденіе искуствъ и 3 пейзажа.

Когда Теребеневъ возвратился въ Петербургъ, „дней Александровыхъ прекрасному началу" пришелъ конецъ.

Крайне неустойчивый въ своихъ взглядахъ, монархъ сталъ опредѣленно склоняться въ сторону реакціи, и скоро мрачные цвѣта ея окрасили собой всю внутреннюю политику офиціальной Россіи.

Наступила пора охранительно-настроеннаго Карамзина, и такихъ „назадниковъ", какъ Магницкій, Шишковъ и фанатикъ Фотій. Вольное общество, какъ и другія подобныя ему организаціи, стали несвоевременными и могли лишь прозябать.

Теребеневъ продолжалъ свою связь съ нимъ до 1811 года, и какъ уже сказано, оборвалъ ее съ исключеніемъ оттуда Попугаева.

Чѣмъ ознаменовалась артистическая жизнь Теребенева за весь этотъ періодъ, — неизвѣстно. Поддержаніе семьи требовало отъ него усиленной работы. И, безъ сомнѣнія, онъ работалъ. Но что именно, и гдѣ эти труды,—отвѣтить на это нѣтъ никакой возможности.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что относящіеся именно къ этой порѣ многочисленные портреты и шаржи, которые за отсутствіемъ на нихъ подписи приписываются неизвѣстнымъ мастерамъ, исполнены Теребеневымъ

Какъ авторъ произведеній въ такомъ жанрѣ, онъ сталъ извѣстенъ лишь въ началѣ 1813 года, когда появились его карикатуры на Наполеона.

Въ этомъ смыслѣ столѣтіе Отечественной войны есть въ то же время столѣтіе самостоятельной отечественной карикатуры.

Теребеневъ исполнялъ и самъ гравировалъ ихъ офортомъ на мѣди, въ контурахъ для раскраски.

Они выпускались отдѣльными листами и продавались въ хорошей раскраскѣ по 1—2 р. за листъ, а въ плохой—значительно дешевле. Сразу пріобрѣли во всѣхъ слояхъ общества огромный сбытъ. И вызвали множество безымянныхъ подражаній.

Это массовое распространеніе ихъ показываетъ, что Теребеневъ точно отвѣтилъ существовавшему тогда спросу.

Верещагинъ со своей, какъ мы уже видѣли, повышенной требовательностью къ Теребеневу топитъ эти карикатуры:

„Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти листы съ ихъ грубыми легендами и скудной фантазіей наглядно указываютъ на полное отсутствіе въ Теребеневѣ историческаго смысла и критики, тонкаго остроумія, изящнаго вкуса. Всякое преувеличеніе и излишній сарказмъ оставляютъ зрителя

равнодушнымъ и холоднымъ, а когда къ такому сарказму прибавляется еще и оттѣнокъ нескрываемой пошлости,—онъ достигаетъ результатовъ совершенно образныхъ тѣмъ, которыхъ преслѣдуетъ, возбуждая не смѣхъ, а сочувствіе къ предмету насмѣшки и не похвалу, а порицаніе ея замысла".

. . . .

„Карикатуры Теребенева теряютъ свое значеніе еще и потому, что въ нихъ нѣтъ того трепета истиннаго чувства, той эмоціи мысли и духа, которая всегда отличаетъ артиста, умѣющаго сильно воспринимать и выражать искренне воспринятое. Можетъ, Теребеневъ и охватывалъ событія живымъ и искреннимъ чувствомъ, но онъ не умѣлъ разсматривать ихъ отдѣльно отъ своихъ ощущеній,—можетъ и то, что онъ подчинилъ эти ощущенія низкому уровню потребностей и эстетическихъ идеаловъ толпы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ былъ неправъ, выказывая отсутствіе силы и могущества творческаго замысла или недостатокъ необходимой для всякаго истиннаго художника самостоятельности".

. . . .

„Нѣтъ,—стремленія Теребенева обратить Наполеона—исполина въ пигмея не удались. Вмѣсто того тонкаго еле замѣтнаго юмора, который только и могъ быть допущенъ по отношенію къ его геніальнѣйшей личности, юмора, основаннаго на тѣхъ или другихъ его недостаткахъ, хотя бы на непреклонномъ эгоизмѣ, страсти къ комедіантству, властолюбіи или отношеніи къ женщинамъ,—Теребеневъ далъ намъ дѣтскую фанфаронаду съ примѣсью грязи и пустое хвастовство, построенное на косномъ шовинизмѣ, въ его опасномъ и преступномъ самообольщеніи".

Бенуа, напротивъ, возноситъ Теребенева:

„Эти бойко набросанные шаржи, безъ какихъ-либо личностей, выражающіе лишь народный взглядъ на разныя событія, отличались необычной въ забитомъ русскомъ художествѣ пламенностью, убѣжденностью и даже нѣкоторой дерзостью, но не были глупымъ и чваннымъ „шапками закидаемъ", такъ какъ въ нихъ проглядывало только удивительно благодушное сознаніе собственной гигантской силы, которой дали, наконецъ, развернуться".

Думается, что въ этомъ случаѣ, истина ближе къ Бенуа и дальше отъ Верещагина.

Необходимо принять во вниманіе, что предъ нами, отстоящими отъ Теребенева на цѣлый вѣкъ,—первенцы самостоятельной отечественной карикатуры и, главное, политическаго характера.

Появились они подъ прессомъ грузныхъ историческихъ условій, исключавшихъ хотя малѣйшую возможность всякой и, стало быть, и графической критики „сильныхъ міра сего" внутри многомилліоннаго государства, и—въ такой заманчивый моментъ, какъ сокрушеніе того, кто перекраивая карту Европу, какъ лоскутокъ матеріи, считался непреоборимымъ титаномъ.

„Униженные и оскорбленные" молча подавляли въ себѣ наносившіяся имъ обиду за обидой и, затаивъ всю горечь глубоко въ себѣ, казалось, только ждали случая, когда появится, наконецъ, такая „сторона наименьшаго сопротивленія", въ которую можно будетъ, наконецъ, направить свои стрѣлы.

Случай представился. Пала колоссальная сила. Наполеонъ рухнулъ. Втайнѣ натянутая тетива бурно выпрямилась. И въ поверженнаго полетѣли стрѣлы.

Пенять на безспорную суковатость, грубость и вообще лубочность ихъ—значитъ не считаться съ исторической перспективой и забывать, что и вся зарубежная карикатура, развившаяся значительно ранѣе и въ куда болѣе культурныхъ условіяхъ и насчитывавшая къ тому времени такихъ мастеровъ, какъ Гогартъ, Джилльрэй и Роуландсонъ (Англія), Клейнъ, Рипенгаузенъ и Шубертъ (Германія),—что и она не можетъ похвастать въ этомъ случаѣ той тонкостью, какой требуетъ отъ Теребенева развѣнчавшій его критикъ, который, правда, приводитъ въ оправданіе его „Европу" но дѣлаетъ это вскользь.

Поэтъ писалъ о Наполеонѣ:

Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ...

Но этотъ поэтъ былъ Пушкинъ, котораго при цѣломъ рядѣ его даровитыхъ предшественниковъ Россія ждала 900 лѣтъ.

Однако и у него въ его злосчастномъ обращеніи къ „Клеветникамъ Россіи" сказалось шовинистское „шапками закидаемъ".

Что же спрашивать съ Теребенева, который благодушно закрѣпилъ въ своихъ подчасъ вульгарныхъ карикатурахъ не кичливое чаяніе, а лестную для національнаго самолюбія дѣйствительность?

Да, карикатуры Теребенева на Наполеона — издѣвка и иногда низкаго пошиба. Но сопоставлять ихъ, какъ это дѣлается, съ афишами гр. Ростопчина, значитъ, повторяю, упускать изъ виду, что гр. Ростопчинъ дѣйствительно морочилъ народъ, побѣждая непріятеля на словахъ т. е. авансомъ, между тѣмъ какъ Теребеневъ опирался уже на безспорное для всѣхъ и каждаго пораженіе непріятеля. Это—разница, и весьма существенная.

Всѣ эти карикатуры Теребенева какъ по сюжету, такъ—въ нисходящемъ порядкѣ—и по качеству исполненія, могутъ быть разбиты на 3 категоріи:

1. Собственно на Наполеона.
2. Прославляющія національный героизмъ и глумящіяся надъ непріятелемъ.
3. Посвященныя отступленію „Великой арміи".

Часть ихъ вмѣстѣ съ наиболѣе интересными работами послѣдователей Теребенева (Венеціановъ и Ивановъ) была въ 1814 году переиздана въ уменьшенномъ форматѣ отдѣльными таблицами. Каждая изъ нихъ была снабжена одной изъ буквъ алфавита, съ которой и начинался текстъ двустишія. Всего вышло ихъ 32 въ футлярѣ подъ общимъ заглавіемъ „Подарокъ дѣтямъ на 1812 годъ".

Этой иллюстрированной азбукой и начинается нашъ сборникъ.

Внѣ вышеупомянутаго цикла, но съ прямымъ отношеніемъ къ той порѣ, Теребеневымъ было исполнено нѣсколько карикатурныхъ портретовъ Наполеона,—затѣмъ такихъ листовъ, въ которыхъ осмѣивались порядки Франціи и, наконецъ, чистыхъ аллегорій.

Ярко вспыхнувъ, Теребеневъ, исчезъ такъ-же быстро, какъ и появился. Онъ умеръ въ Петербургѣ—отъ простуды и скорбута—36 лѣтъ отъ роду въ 1815 году, оставивъ послѣ себя жену съ дѣтьми дочь и 3 сына) безо всякихъ средствъ къ существованію.

Общество отнеслось къ положенію несчастной семьи Теребенева очень участливо.

Дочь покойнаго была опредѣлена графиней Строгановой въ учебное заведеніе, гдѣ воспитывалась на ея средства.

Старшій сынъ „по уваженію извѣстныхъ, отличныхъ талантовъ отца" былъ помѣщенъ за счетъ оставленныхъ Адъюнктъ-Ректоромъ Акимовымъ суммъ въ Академію.

Поэтъ Измайловъ, сожалѣя, что не въ состояніи сдѣлать больше прислалъ вдовѣ 100 экземпляровъ своихъ „Басенъ и сказокъ" для продажи въ ея пользу.

Наконецъ, книгопродавецъ Сленинъ возвратилъ ей всѣ пріобрѣтенныя имъ у безвременно скончавшагося художника 24 гравированныя доски, а также вполнѣ изготовленные съ нихъ оттиски, которыя пошли затѣмъ въ продажу, при чемъ многіе платили сверхъ назначенной за нихъ (25 рублей) цѣны.

III.

Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ (1780 — 1847) достаточно извѣстенъ, какъ родоначальникъ нашей бытовой живописи, чтобы о немъ нужно было распространяться.

Но онъ не только „отецъ русскаго жанра". Основатель перваго въ Россіи карикатурнаго журнала подъ названіемъ „Журналъ карикатуръ на 1808 годъ", сейчасъ-же по его выходѣ изъятаго изъ обращенія,—Венеціановъ былъ піонеромъ и въ области русской карикатуры.

Въ эпоху Отечественной войны онъ выполнилъ свыше 20 карикатурныхъ листовъ политическаго и бытового характера.

Въ нихъ Венеціановъ вдохновлялся тѣми-же темами и трактовалъ ихъ точно такъ-же, какъ и Теребеневъ, но уступалъ послѣднему въ техникѣ исполненія, что, впрочемъ, не можетъ быть поставлено ему въ укоръ, такъ какъ это были первые шаги художника-самоучки, который пріобрѣлъ извѣстность лишь въ 1824 году, когда появилось его знаменитое „Гумно".

IV.

Участіе художника и гравера Ивана Алексѣевича Иванова (1799—1848) въ карикатурѣ на сюжеты изъ Отечественной войны сказалось въ выполненіи имъ 5 карикатуръ.

Всѣ очень слабы и свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ взялся за карикатуру, такъ сказать, случайно.

Въ пользу этого говоритъ вся его дальнѣйшая дѣятельность, по праву доставившая ему славу одного изъ нашихъ лучшихъ иллюстраторовъ.

Не лишено вѣроятія и предположеніе, что этихъ убогихъ 5 карикатуръ Ивановъ не рисовалъ, а лишь выгравировалъ то, что сработалъ нѣкій бездарный анонимъ, какихъ тогда было множество.

Ф. Мускатблитъ.

Источники:

Д. А. Ровинскій. „Русскія народныя картинки". Т. II, IV.

В. А. Верещагинъ. Русская карикатура. Т. II. Отечественная война. СПБ., 1912.

Александръ Бенуа. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Т. IV. СПБ., 1897.

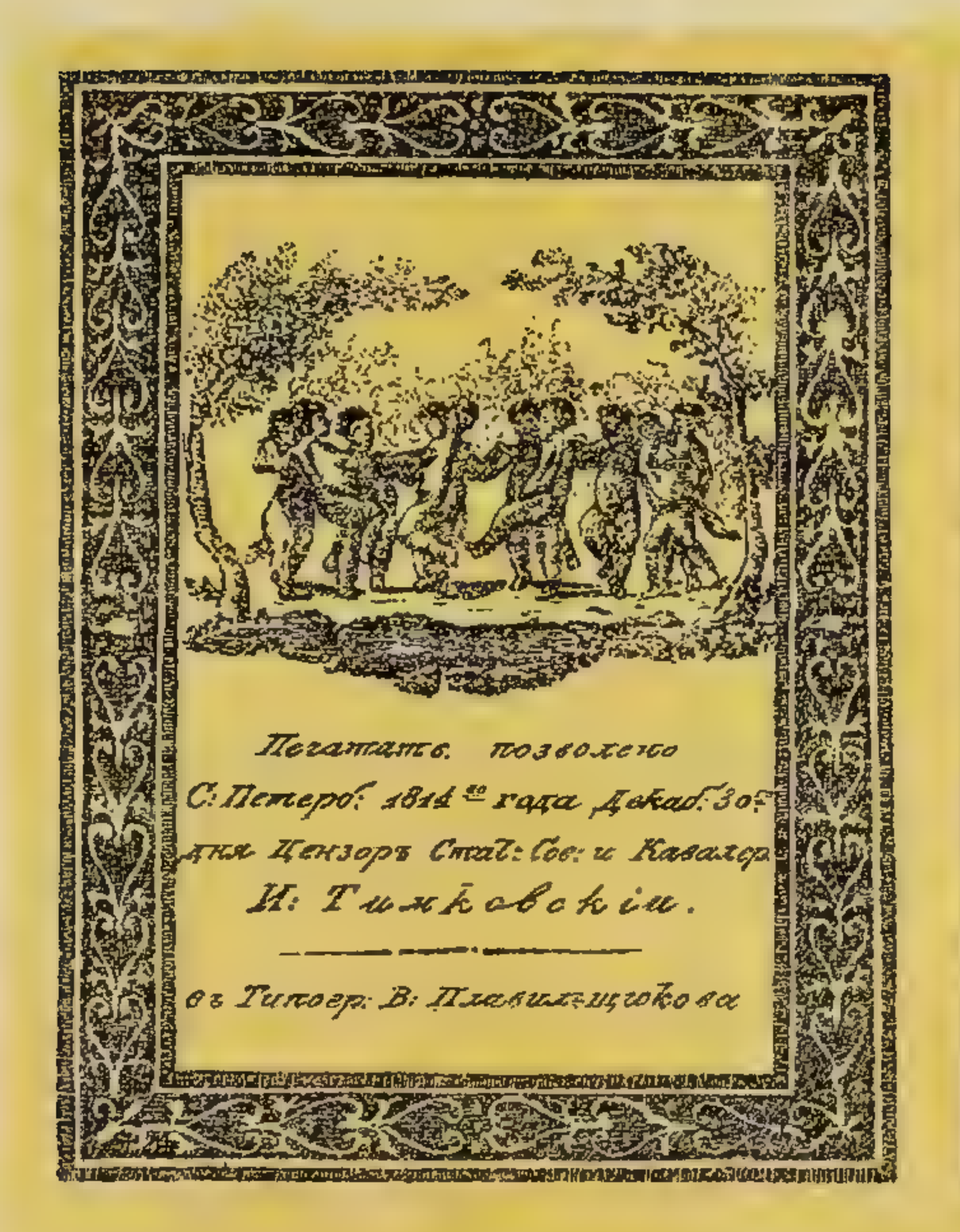
Ѳ. Петрушевскій. Карикатура. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIV.

Champfleury. Histoire de la Caricature sous la République, l'Empire et la Restauration. Paris, 1875.

Русская карри-катура.

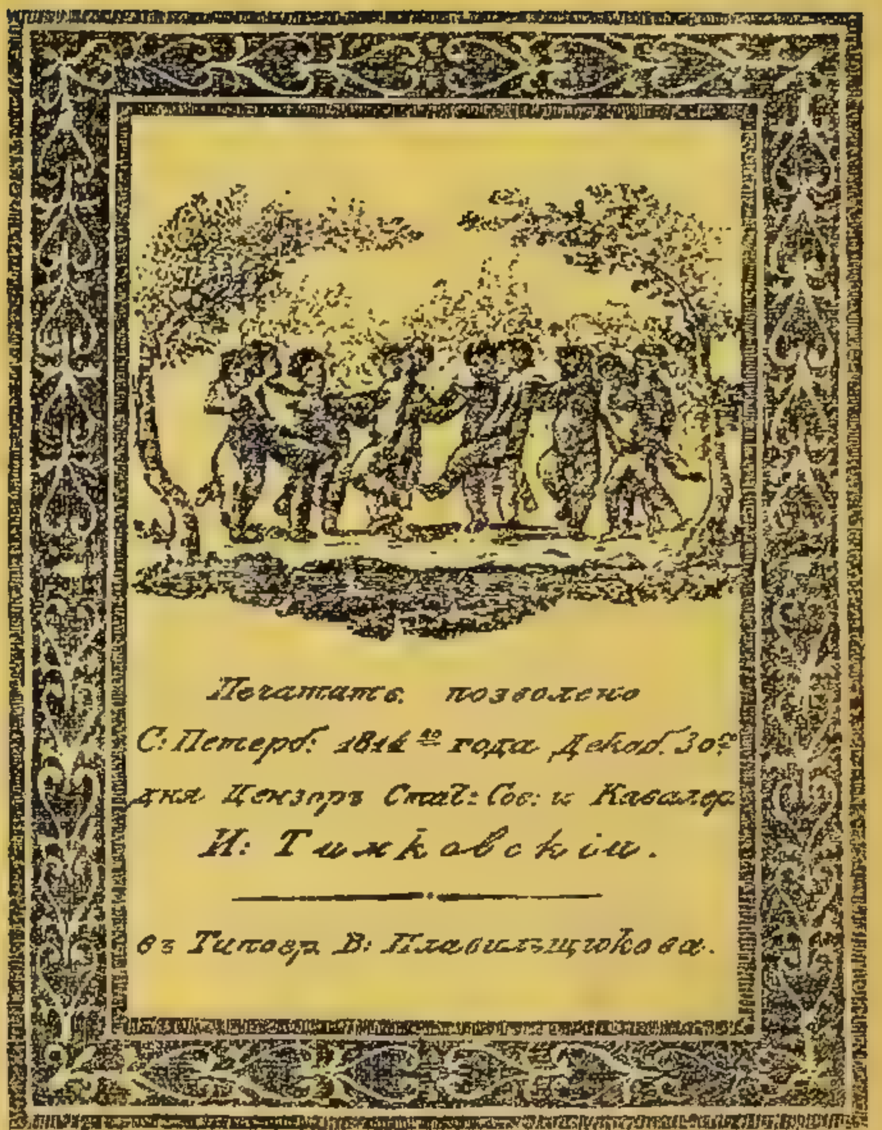
I.

1. Азбука

Печатать позволено
С: Петербъ: 1814го года Декаб: 30го
дня Цензоръ Стат: Сов: и Кавалеръ
И: Тимковскiй.

въ Типогр: В: Плавильщикова

Печатать позволено
С: Петербъ: 1814го года Декаб: 30го
дня Цензоръ Стат: Сов: и Кавалеръ
И: Тимковскiй.

въ Типогр: В: Плавильщикова.

Ась! прасо тихъ мусье, что мучить старика,
Коль надобно чего, спросите казака.

Бѣда!.. гони скорѣй съ грабителемъ Московскимъ,
Чтобъ въ сѣти не попасть съ Даву и съ Понятовскимъ.

Ворона какъ вкусна! нельзя ли ножку дать,
А мнѣ изъ котлика хоть кишки полизать

Гуляй любезный сынъ, великій Корсиканецъ
Будь золъ какъ тигръ и подлъ какъ хитръ трусливъ какъ заецъ

Домой пора! маршъ! маршъ! довольно погостили.
Безъ носу, рукъ и ногъ въ гостяхъ насъ отпустили

Ей! ей не опущу, не заплачу я пеню.
Смотри, ступай скорѣй вить разамъ прошенію.

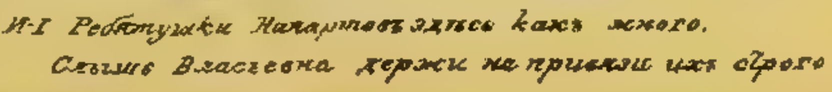

Желалъ насъ вышколить ты на свою погудку,
Анъ нѣтъ не удалось, пляшишь подъ нашу дудку.

Заразу отъ штыковъ и ядръ Россійскихъ знайте.
Окружайте все, скорѣе помогайте.

И-І Ребятушки Наполеоновъ здѣсь какъ много.
Стыше Власьевна держи на привязи ихъ строго

Какъ черному Царю на Руси не Царить
Такъ имя на рукѣ его мнѣ не носить

Ликуй, о храбрый Галлъ встрѣчай насъ съ торжествомъ
Спустивъ все съ рукъ, спешимъ на палочкахъ верхомъ

Москва вить не Берлинъ, не Вѣна не Мадритъ
Въ ней гробъ всей армии Французской былъ отрытъ

Не худо, славные конскрипты Галловъ честь! –
А со многихъ ли душъ? – последние что есть

Одинъ лишь Россъ въ врагахъ чтитъ христіанску кро
Сколь месть его страшна, столь искренна любовь

Постойко, не въ свои ты сани братъ садишься.
Ты править нашею лошадкой не годишься.

Раздался ранторись Парижъ пелъ иной
На ракѣ ѣду я съ бирюльками домой

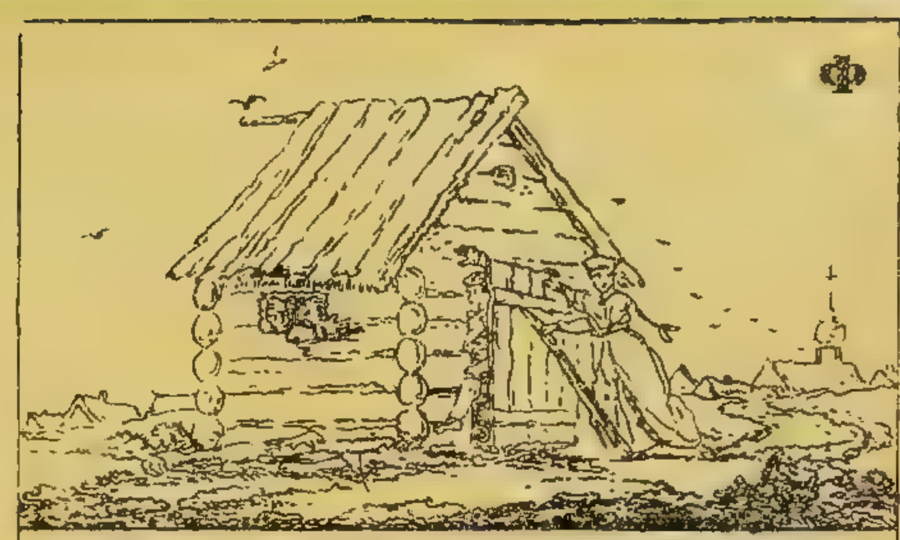
Сюда, сюда прошу честные Господа!
Комеди таковой не зрѣли никогда.

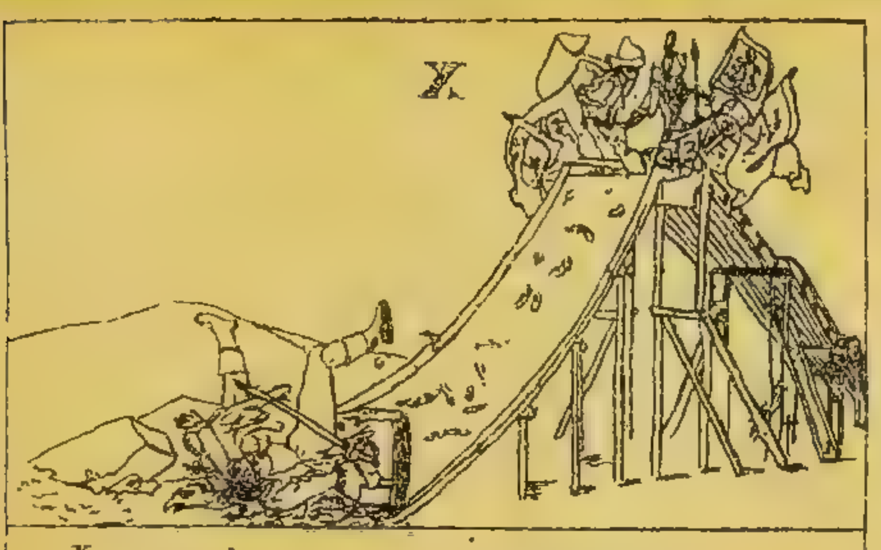
Теперь хотя я нагъ пришелъ домой и боса
Зато ужъ и принесъ огромный самый носъ.

Ухъ. какъ устала ты любезная отъ насъ.
Ну батюшки баю. поспи еще хоть часъ.

Французовъ какъ мышей словила въ западню
Небудь ихъ духъ въ Руси я всѣхъ предамъ огню

Хотя высоко взлезъ и силою гордился;
Но справить я не могъ – на Эльбу вдругъ опустился

Цыцъ! цыцъ! поганой Ляхъ, гни спину и молчи!
И также какъ другой въ рядахъ моихъ торчи

Что дѣлать – знать пришло свиную милость чтить;
Лошадокъ нѣтъ – пора свиньямъ меня возить.

Широкъ въ плечахъ Французъ ни что его неймётъ;
А вотъ либо моя Нагайка зашибётъ.

Щастье за Галломъ устало брести пѣшкомъ,
Рѣшилось съ тѣмъ Руской скакать съ козакомъ.

Ъ есть послѣдняя изъ буквъ въ Россійскомъ словѣ
Итти межлу людей такимъ быть на готовѣ.

Мечты и суеты, войны, чины, коруны:
Слѣтели съ колеса капризныя фортуны

Я прежде былъ Герой, но что я сталъ теперь
Въ Рукахъ у мужичка я скорчился какъ Ь

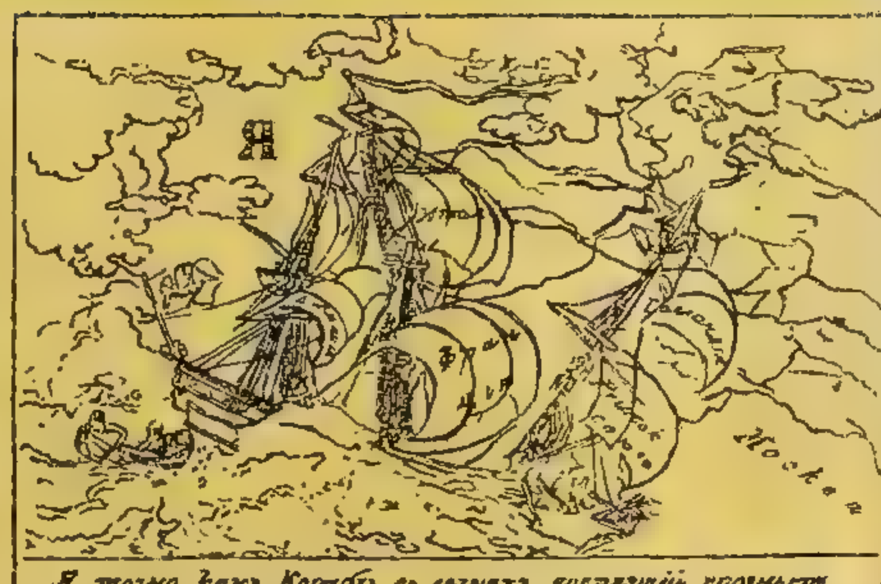
Ѣду съ Французскою пушкой въ свой станъ
Нашъ братъ не трусливъ какъ ихъ бусурманъ

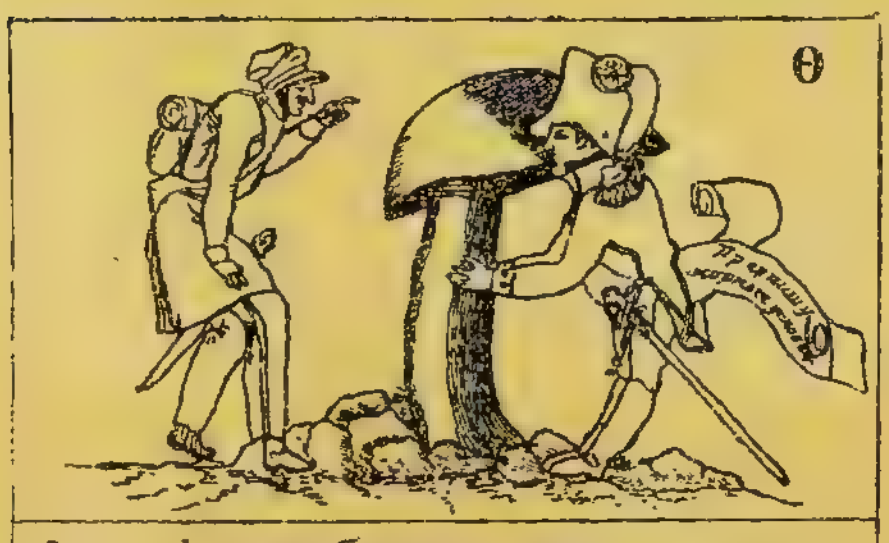
Э з' кобыла есть, ребята не зевайте:
Я этихъ двухъ схвачу, а прочихъ вы спускайте.

Юлитъ Французъ всегда, и горы обѣщаетъ:
Но что онъ дѣлаетъ! лишь жмотъ разоряетъ.

Я точно какъ Корабль въ волнахъ погрязшій грознымъ
Примѣромъ послужу и для потомковъ позднихъ.

Возросъ какъ грибъ и палъ познавъ ты суету.
Что дѣлаешь теперь? весь сгорбился съ Ѳ—ту

Вотъ видители что Галлъ во вѣкъ не ошибался
Что будетъ Ѵ.ца здѣсь знакъ на лбу остался

2. Москва.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ АФИША Гр. РОСТОПЧИНА.

Московской мещанинъ бывшiй въ ратникахъ Карнюшка Чихиринъ, выпивъ лишнiй крючокъ, на тычке услышалъ что будто Бонапартъ хочетъ итти въ Москву, разсердился и разругавъ скверными словами всехъ французовъ, вышедъ изъ питейнаго дому заговорилъ подъ орломъ такъ.

Какъ, къ намъ. милости просимъ. хоть на святки, хоть и на масляницу. да и тутъ жгутами девки такъ припопонятъ что спина вздуется горой. полно демономъ-то наряжаться молитву сотворимъ такъ до петуховъ згинешь. сиди-ка лучше дома да играй въ жмурки либо въ гулючки, полно тебе фиглярить вить солдаты-то твои карлики, да щеголики, ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучъ не наденутъ ну где имъ руское житье бытье вынести, отъ капусты раздуетъ, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму и останутся, такъ крещенскiе морозы поморятъ, право такъ все будутъ у воротъ замерзать, на дворе околевать, въ сеняхъ зазябать, въ избе задыхаться, на печи обжигаться, да что и говорить повадился кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову положить, Карлъ-то шведской покрепче тебя былъ, да чистой царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. да и при тебе будущихъ-то мало будетъ. побойчей французовъ твоихъ были поляки, татары, и шведы, да и техъ старики наши такъ откачали что и по сю пору вкругъ Москвы курганы какъ грибы, а подъ грибами-то ихъ кости, ну и твоей силе быть въ могиле. да знаешь ли что и наша матушка Москва. вить это не городъ а царство. у тебя дома-та слепой, да хромой, старухи да ребятишки остались а на немцахъ не выедешь они тебя смаху сами оседлаютъ. а на руси что. знаешь ли ты забубенная голова, выведено 600000 да забритыхъ 300000 да старыхъ рекрутъ 200000 а все молодцы одному Богу верують, одному царю служатъ, однимъ крестомъ молятся. все братья родные да коли понадобится скажи намъ батюшка АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ сила христолюбивая выходи. и высыплетъ бесчисленная, и свету божьева не увидитъ, ну переднихъ ты пожалуй и сомнешь а задние-то тебя доконаютъ на веки вековъ. ну какъ же тебе къ намъ забраться, не только Ивана Великова, да и Поклонной во сне не увидишь. белорусцевъ возьмешь да и пуще въ топи потребимъ. ну помни какъ звали подобру, не прочее разумей, не нас дурай, не начинай, а направо кругомъ домой ступай, и знай изъ роду въ родъ каковъ руской народъ.

Потомъ Чихиринъ пошелъ бодро, и запелъ во поле береза стояла. а народъ смотря на него говорилъ. откуда берется, а что говоритъ дело, то ужъ дело.

За 2 мѣсяца до вступленія Наполеона въ Москву т. е. 1 іюля 1812 года назначенный главнокомандующимъ въ ней гр. Ростопчинъ выпустилъ свое первое обращеніе къ населенію. Оно появилось въ видѣ плаката и анонимно.

„Я чувствовалъ потребность, — говоритъ гр. Ростопчинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — дѣйствовать на умы народа, возбуждать въ немъ негодованіе и подготовлять его ко всѣмъ жертвамъ для спасенія отечества. Съ этой-то поры я началъ обнародывать афиши, чтобы держать городъ въ курсѣ событій и военныхъ дѣйствій“.

Дальнѣйшія объявленія выходили уже за его подписью вплоть до оставленія русскими Москвы и назывались „Дружескими посланіями отъ главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея“.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЖЕНКИ ВЪ МАГАЗИНѢ.

Ухаживатель (читаетъ письмо): „Завтра здѣсь у мадамъ въ 2 часа я буду—и увенчаетъ насъ любовь. Какой мой пароль донеръ?“

Карикатура на извѣстную въ то время владѣлицу моднаго магазина въ Москвѣ Оберъ-Шальме, которую называли „оберъ-шельма“.

Между прочимъ занималась сводничествомъ.

При приближеніи Наполеона была выслана изъ города одной изъ первыхъ, а модный магазинъ ея былъ опечатанъ и, несмотря на это, расхищенъ полиціей, причемъ въ этомъ расхищеніи участвовалъ самъ гр. Растопчинъ, взявшій себѣ оттуда столовый сервизъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Лубокъ на высылку гр. Ростопчинымъ иностранцевъ—преимущественно французовъ—изъ Москвы.

Онъ сажалъ ихъ на барки и пускалъ по Волгѣ въ низовыя губерніи.

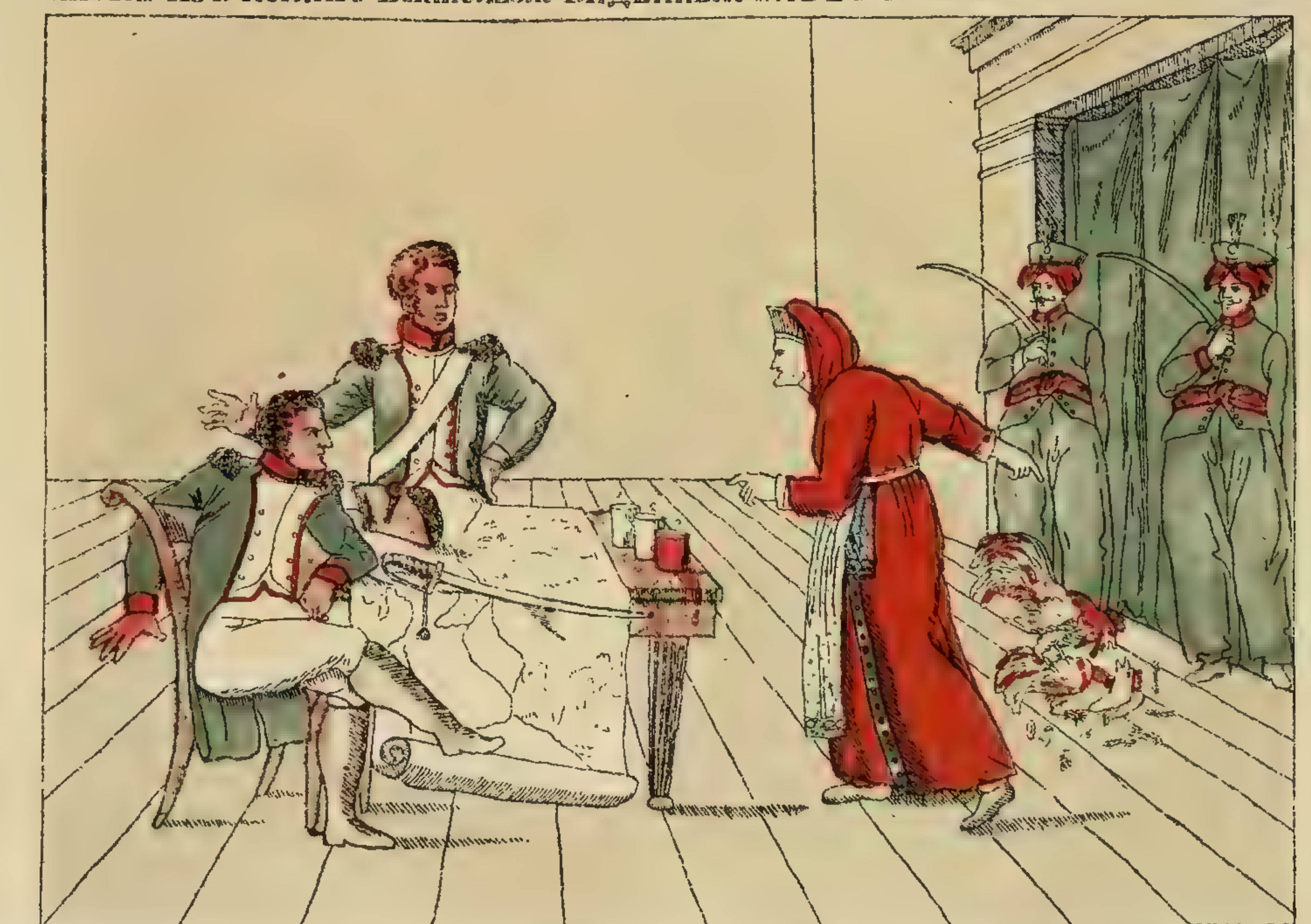
Такъ было выслано имъ „43 выборной канальи изъ каналій“.

Изгнаніе изъ Москвы французскихъ актрисъ.

Наполеонъ сидитъ за столомъ и взвѣшиваетъ награбленныя вещи; передъ нимъ лежитъ бюллетень въ которомъ извѣщаетъ онъ своихъ подданныхъ, что участь Россіи уже кончена. Удино побѣжденный и раненой стоитъ на деревяшкѣ передъ великимъ Героемъ и держа въ рукахъ женскую парчевую юбку спрашиваетъ куда ее дѣть? Хорошо для выжиги отвѣчаетъ Наполеонъ. Мюратъ стоитъ у очага и держитъ на огнѣ кастрюлю съ выжигою; Евгеній подуваетъ мехомъ, Ней подкладываетъ угольи, а Даву изъ разбросанной по полу утвари и другихъ вещей выбираетъ лучшее для Наполеонова Музеума.
Евгеній
Ней
Мюратъ
Удино
Даву
Наполеонъ
Наполеонъ съ Принцами своими и Маршалами занимается въ Москвѣ выжигою и перекаливаніемъ награбленнаго ими серебра и золота изъ утварей и другихъ вещей. Правда сущая

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Руская старуха изъясняетъ Наполеону видѣнный имъ въ Москвѣ сонъ о трехъ стаканахъ.

Нап. что значитъ три стакана, видѣнные мною въ Москвѣ, изъ коихъ одинъ былъ пустой, другой съ водою, а третій съ кровью.
Стар. Пустой стаканъ означаетъ что сія война начата тобою изъ пустаго тщеславія и гордости; стаканъ съ водою значитъ слёзы бѣдныхъ жителей и разоренныхъ военною людей; а послѣдній, наполненный кровію, [illegible] человѣческую кровь пролитую въ сію ужаснѣйшую войну

„САМОВИДЕЦЪ“ (Вѣроятно копія съ иностраннаго оригинала).

рисовано съ Натуры Самовидцем.

Кухня главной квартиры въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ

Терентьевна докалачиваетъ башмакомъ
безъ пардоннаго Француэскаго Солдата.

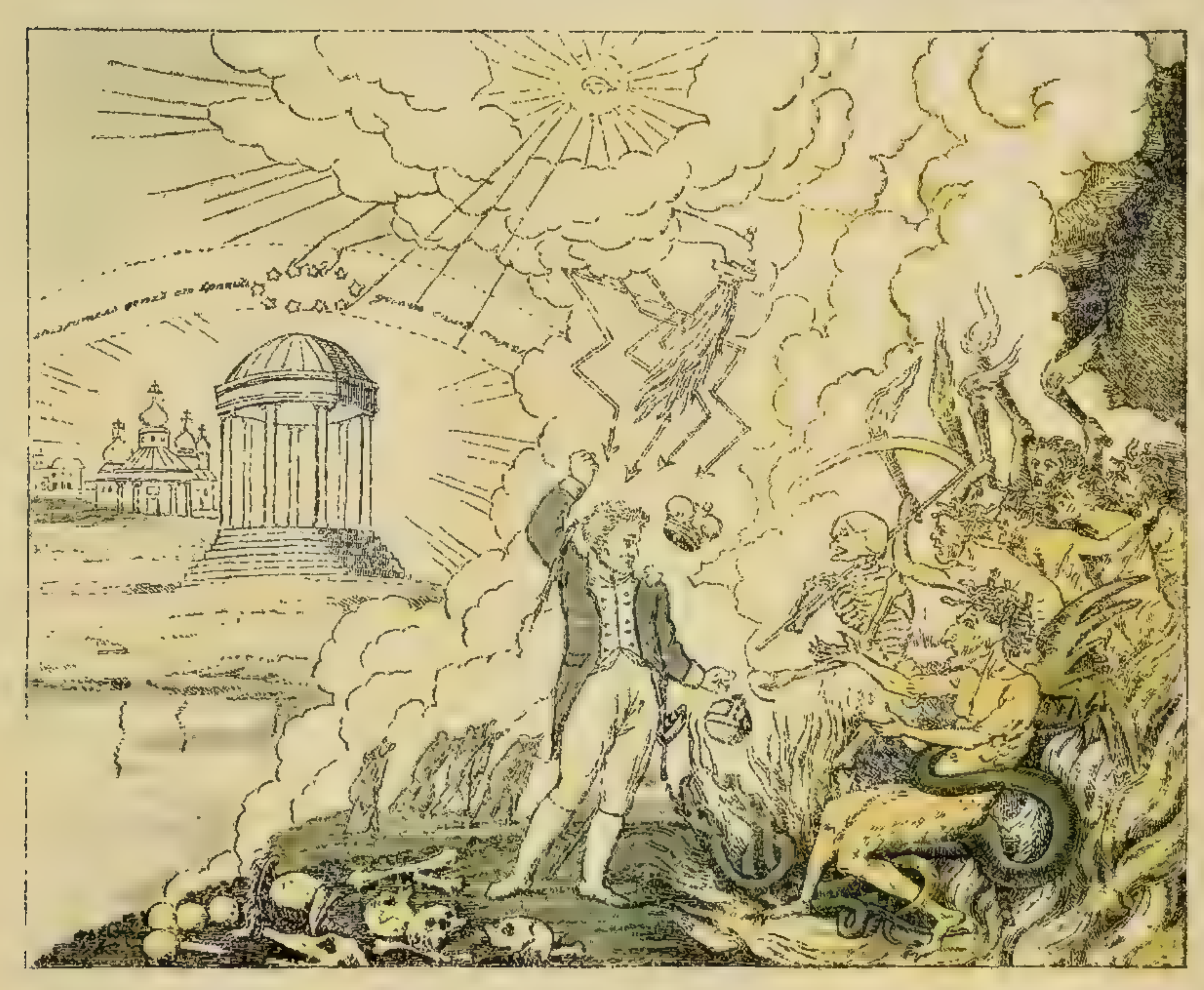
Вотъ я тебѣ дамъ звонъ!
Вотъ тебѣ разъ злодый, вотъ тебѣ другой
Бусурманъ, не очнисъ злодый, не очнисъ супостатъ.

произшествіе Случившееся въ Москвѣ
на Никольской улицѣ въ Октябрѣ 1812 года

В. Лапинъ.

ТЕРЕБЕНЕВЪ (?).

Наполеонъ съ С.....послѣ Созженія Москвы

Всѣ треснули теперь предположенны планы;
Всѣ угрожаютъ мнѣ; моей покорны страны.
Всё взяло ходъ иной, всё стало измѣнять;
Пугаетъ всё меня, пропалъ я, — что начать!

изъ Разг. Н.... съ С.... Страница 20?

3. Казакъ и ратникъ.

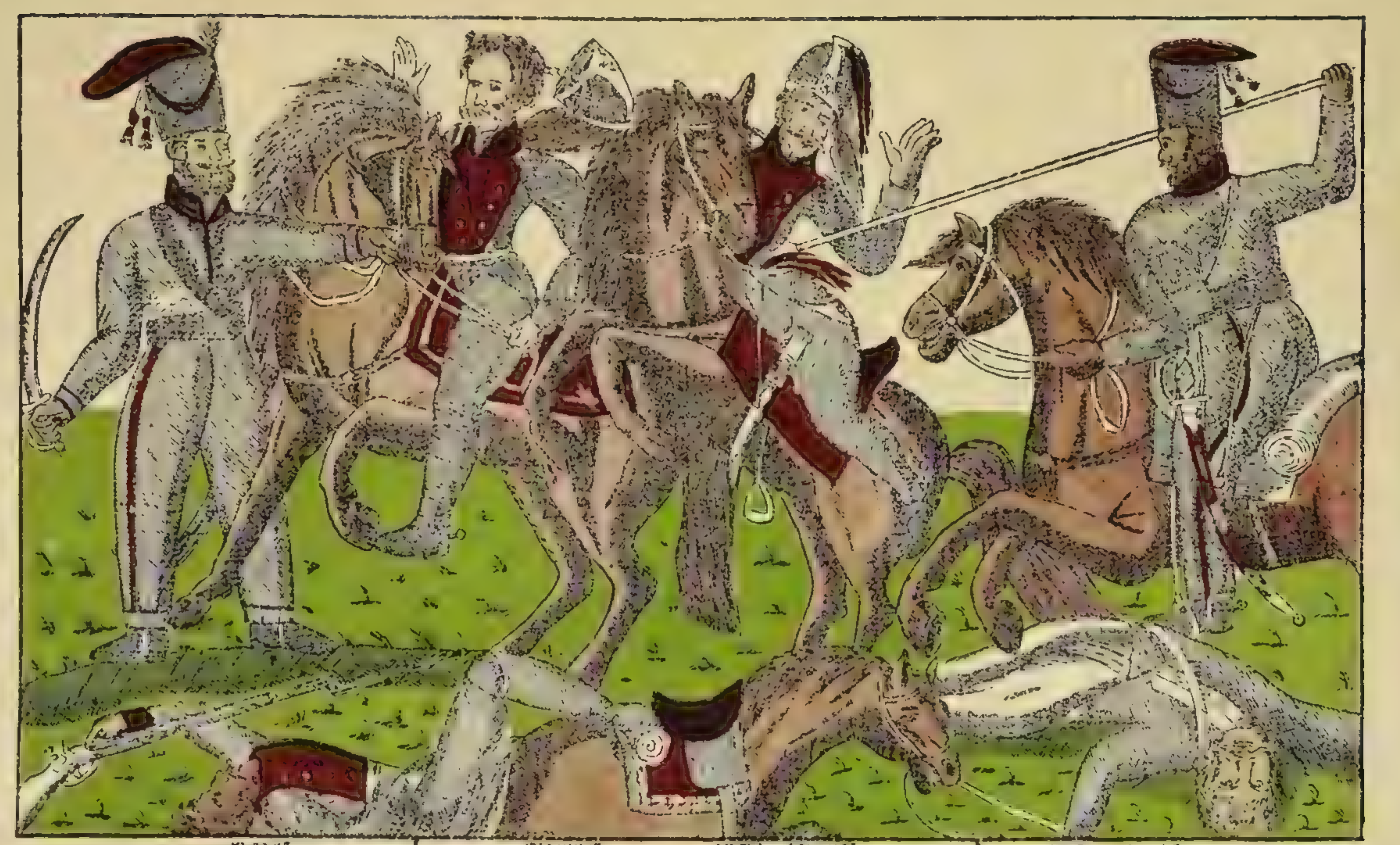

Н. нъ у Русскихъ въ банѣ.

Н. Эдакаго мученья я съ роду не терпѣлъ меня скоблятъ и жарятъ какъ въ аду
Ратн. Отдувайся коли самъ попалъ въ Русскую баню попотѣй хорошенько и мы не устанемъ поддавать пару.
Салд. Натремъ тебѣ и затылокъ и спину, и бока, будешь помнить легкую нашу руку
Коз. Побривъ тебя погладимъ молодцомъ поставимъ

Иванъ Теребеневъ

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Козакъ такъ петлей вокругъ шей
Французовъ удитъ: какъ ершей

И мелкую сію скотину
Кладутъ въ корзину

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

Чемъ онъ побѣдилъ врага своего? нагайкою!

изъ Журн. Сынъ Отечества кн. 7 стр. 43.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

4. Народъ.

ТЕРЕБЕНЕВЪ

Русскій Сцевола.

РУССКІЙ КУРЦІЙ.

„Ратникъ Московскаго ополченія, жертвующій жизнью, въ намѣреніи убіеніемъ избавить Отечество отъ злобнаго врага Наполеона, вмѣсто его поражаетъ ошибкою польскаго полковника“.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

(Подражаніе Теребеневу).

Руской Геркулесъ.

загналъ французовъ въ лѣсъ

и давилъ какъ мухъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.
(Подражаніе Теребеневу).

Героическая твердость восмидесяти-летняго старца,

Притворившагося глухимъ для спасенія своихъ товарищей Случившееся въ подмосковной деревни Плянковой. *Сынъ Отеч. 1813 года № 9 стр. 133.*

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Крестьянинъ Павелъ Прохоровъ, нарядившись въ казацкое Платье увидѣвъ и догнавъ 5ть французовъ поразивъ ихъ Нагайкою, Заставалъ ихъ Кричать пардонъ!

Кричи Заморская гадина Пардонъ а не то головы долой

Хвала тебѣ и честь доброй Павелъ!
Чрезъ Это дѣло ты себя Прославилъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Бронницкой Крестьянинъ Сила, сталкиваетъ французскаго мародера въ рѣку,

Пришалъ ты неспросясь броду Хлѣба просить,
Полезай же ты бусурманъ въ воду рыбу ловить.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Сычевцы.

Чудо богатырь староста Сычевки села Левшинскихъ, неустрашимостію и силою подобно Геркулесу затворя въ избѣ двери привелъ въ трепетъ 31-го француза, которые и взяты всѣ въ плѣнъ подоспѣвшими крестьянами.

Сынъ Отеч. 1812 г. № 6. стр. 246

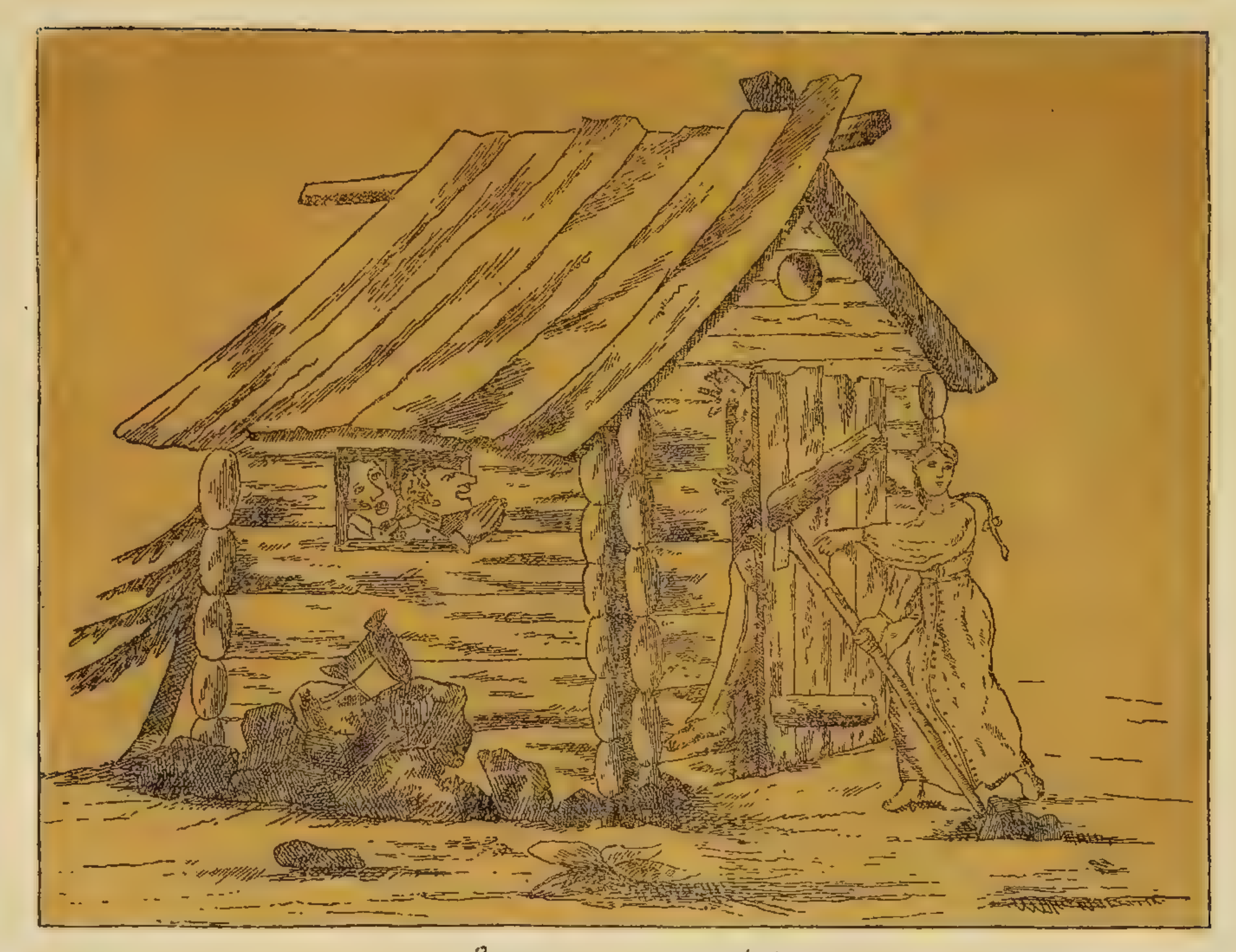
Французы голодныя крысы, Въ Командѣ у старостихи Василисы.

Иллюстрація эпизода въ Сычевскомъ уѣздѣ, гдѣ жена сельскаго старосты Василиса, набравъ команду изъ вооруженныхъ косами и дрекольемъ бабъ, гнала предъ собой нѣсколько взятыхъ въ плѣнъ непріятелей, одинъ изъ которыхъ за неповиновеніе былъ ею убитъ.

„Р. В. Л“.

Бабушка Кузмишина Угощаетъ французскихъ Мародеровъ Щами
Крестьянка кузмишина 4-х французскихъ мародеровъ
ихъ въ пленъ съ крестьянами въ Русской Воинской команде отправляетъ

Французкая атака руской бани,
Пуганая Ворона и куста боится.

*Естьли французы не скакали
такъ какъ крысы то не попали бы въ мышоловку
къ Восилисы,*

5. Ретирада.

Ретирада Французской конницы, которая съѣла своихъ лошадей въ Россіи.

Маршалъ на конькахъ 2 Трубачъ 3 Кирасиръ потерявшій свою каску 4 Польскій Уланъ потерявшій мундиръ 5, Гусаръ 6 Драгунъ 7 Конный Артиллеристъ 8. Мамелюкъ, который всѣхъ теплѣе — одѣлся салопомъ женскимъ, и всѣхъ запасливѣе, несетъ съ собою домой лошадиной окорокъ

Иванъ Теребеневъ

Благоразумная ретирада, доставитъ мнѣ спокойствіе.

ТЕРЕБЕНЕВЪ (?).

Обратной путь или дѣйствие русскаго слабительнаго порошка

Казакъ: Ступай неси скорѣе по старой дорогѣ домой и скажи всѣмъ своимъ что на силу могъ донести собранную съ Русскихъ контрибуцию. Крестьянинъ: А чего въ … не унесешь такъ инъ въ шляпу покладешь

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

УГОЩЕНІЕ НАПОЛЕОНУ ВЪ РОССІИ

Свое добро тебѣ прiѣлось
Гостинцовъ Русскихъ захотѣлось.
Вотъ сласти Русскiя! покушь не подавись!
Вотъ съ перцамъ збитенёкъ, попей, не обожгись:

КОНСИЛIУМЪ.

Доктора: Языкъ бѣлехонекъ (въ наказаніе за то, что много лгалъ въ бюллетеняхъ). Пульсъ едва бьется (отъ чрезмѣрнаго кровопусканія). Голова въ страшномъ жару (отъ того, что неудались сумасбродные планы)...

Наполеонъ: Надобно скорѣе убираться въ Парижъ, видно въ Россіи климатъ мнѣ не благопріятствуетъ.

Наполеонъ послѣ сраженія подъ малоярославцемъ.

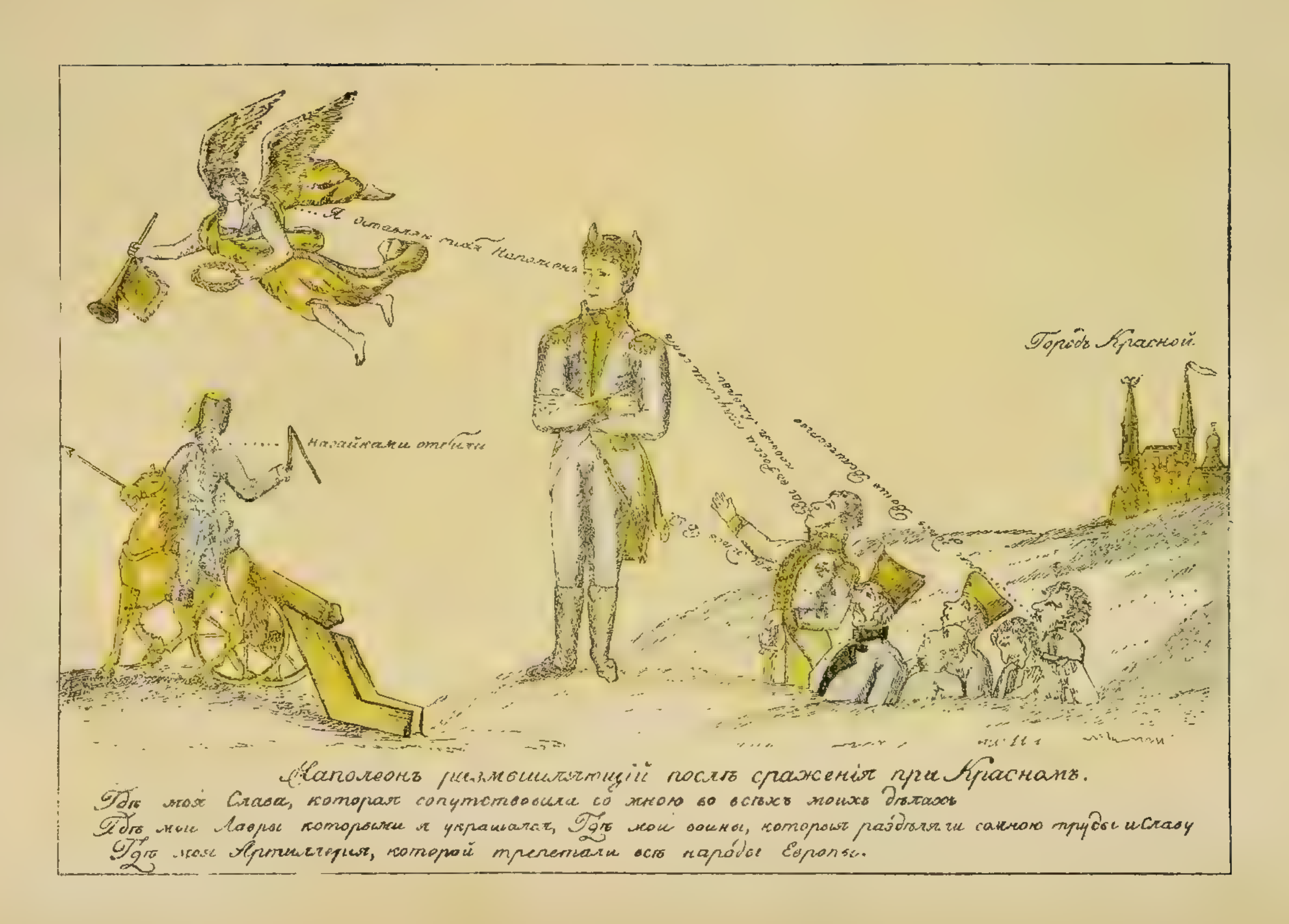
ТЕРЕБЕНЕВЪ.

Смотръ Французскимъ войскамъ на обратномъ ихъ походѣ чрезъ Смоленскъ.

„Хотя одеты некрасиво да тепло а это главное дѣло"

Гамбургск. корресп. gazette des Dep. des Bouches de l'Elbe. 1812 № 180. письмо изъ Варшавы отъ 14 Нояб.

Иванъ Тер. Тет.

Наполеонъ размышляющій послѣ сраженія при Краснамъ.
Гдѣ моя Слава, которая сопутствовала со мною во всѣхъ моихъ дѣлахъ
Гдѣ мои Лавры которыми я украшался, Гдѣ мои воины, которые раздѣляли сомною труды и Славу
Гдѣ моя Артиллерія, которой трепетали всѣ народы Европы.

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

Французской вороній супъ.
Бѣда намъ съ великимъ нашимъ Наполеономъ!
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ,
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ.
Ну тутъ-то! похлебаемъ же хоть вороній супъ!
Иванъ Теребеневъ

Хлѣбосольство отличная черта въ характерѣ народа русскаго.

Зимнія Наполеоновы квартиры.

Рыцарская поѣздка Наполеона изъ Варшавы съ Коленкуромъ и Дюрокомъ

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ВОЯЖЁРЪ ВЪ 1812мъ ГОДУ.

6

Наполеонъ во Франціи.

Наполеонъ.—Завоевалъ-бы Россію, да моръ на мои войска. Чуть было и меня не сразилъ. Принужденъ окуриваться.

Кукольная комедія или проходящіе черезъ Франкфуртъ плѣнные казаки

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

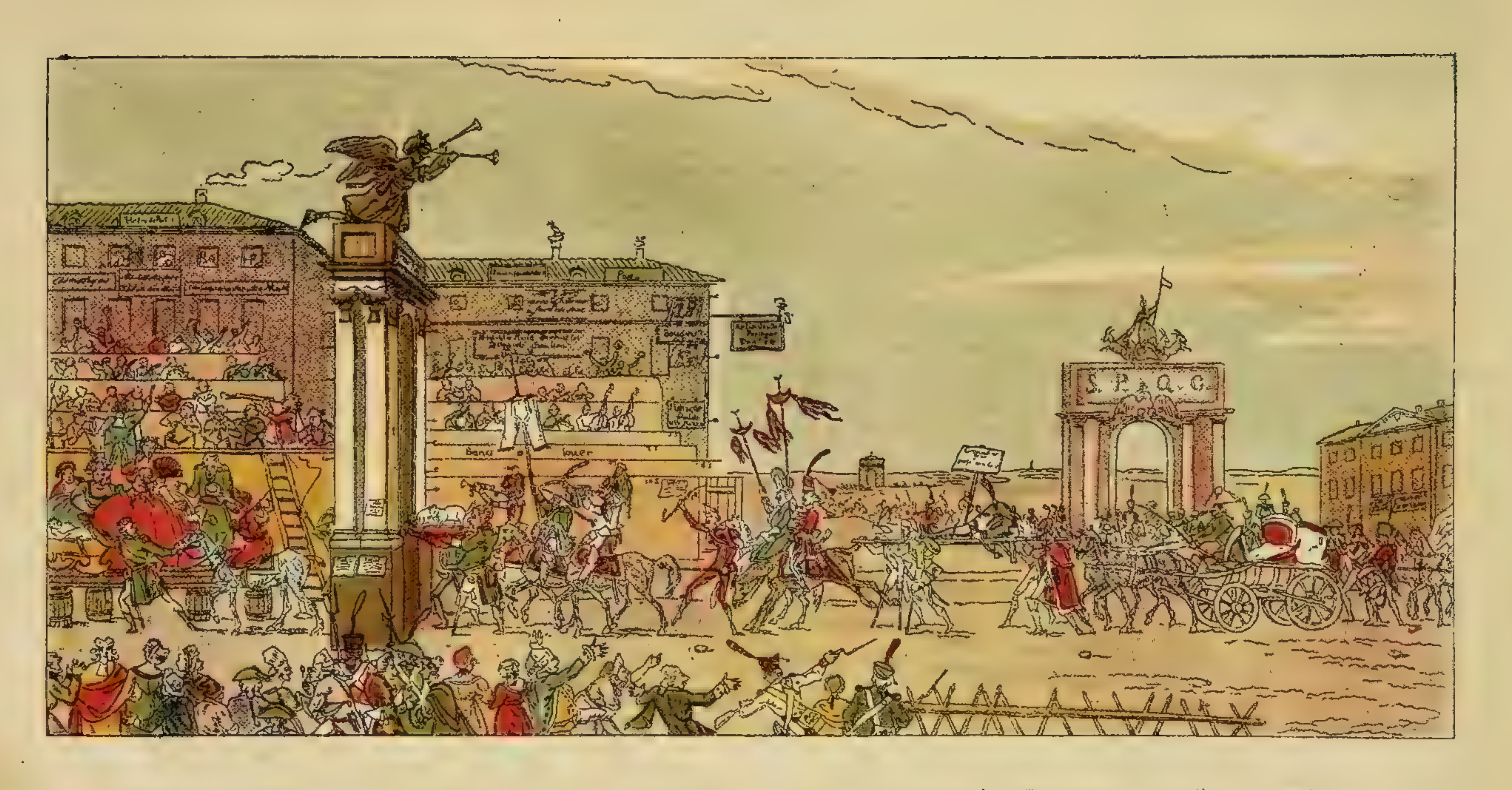

Носъ привезенный Н—съ собою изъ Россіи въ Парижъ.

Н. Вотъ какой носъ приставили мнѣ Русскіе не знаю какъ мнѣ съ нимъ показаться Парижской Публикѣ нѣтъ ли средства укоротать его — 1 Докт: Надобно его отрѣзать — 2 Докт: въ такомъ случаѣ я не отвѣчаю за жизнь Его Вел—. Бертъ: Не зачѣмъ его укорачивать показывайтесь съ нимъ смѣло Парижанамъ. Мы напишемъ что онъ у васъ выросъ отъ раннихъ морозовъ и гололедицы!

Иванъ Теребеневъ

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

Торжественный въѣздъ въ Парижъ непобѣдимой Французской Арміи.

Оправданіе Наполеона передъ народомъ по прибытіи его въ Парижъ.

Иванъ Теребеневъ

Наполеонъ и его сообщники убаюкиваютъ и усыпляютъ разными игрушками и побасенками Францію, стараясь закрыть отъ нее настоящее ея положеніе. Между тѣмъ какъ она держа въ рукѣ граненое разноцвѣтное стекло, видитъ въономъ красоту свою стократно помноженную, Наполеонъ прилежно занимается укачиваніемъ люльки заставляя Бурье держать ширму, чтобъ отъ несносныхъ лучей восходящей въ видѣ солнца истины, не заболѣли глазки у дитятки и чтобъ она никакими непріятными видами не тревожилась

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

КАРНАВАЛЪ

ИЛИ

ПАРИЖСКОЕ ИГРИЩЕ НА МАСЛЕНИЦѢ.

Наполеонъ Народу Пожалуйте сюда Господа! здѣсь показываютъ самыя лучшія Комедіи и Китайскія тѣни

7. Мечты о реваншѣ.

Наполеонъ занимается прожектами снарядовъ для будущей компаніи противу русскихъ:

1) Верфь для строенія коньковъ.

2) Верфь для строенія салазокъ.

3) Премудро изобрѣтенная Наполеономъ кишка водопроводная для доставленія войскамъ воды за милю разстоянія.

4) Чертежъ коньковъ и салазокъ, т. е. удобнѣйшихъ военныхъ повозокъ для Наполеоновской арміи, предлагаемый ему на высочайшее его разсмотреніе.

5) Слава сего великаго завоевателя и прожектора, увѣнчивающая его дурацкимъ колпакомъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Конскрипты великой Франціи

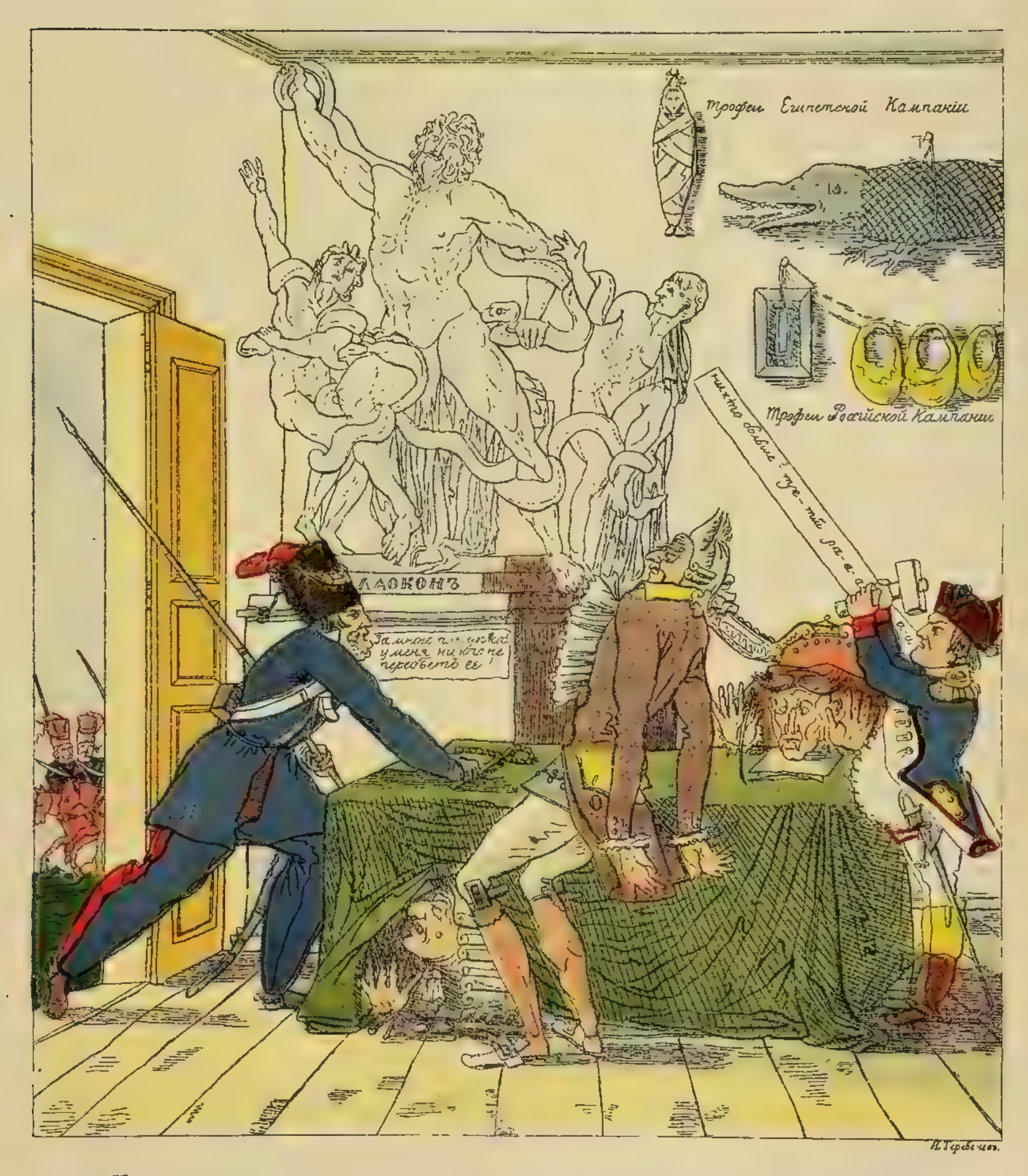

Наполеонъ формируетъ новую армію изъ разныхъ уродовъ и калѣкъ.

Они поддержатъ честь великой Націи

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

Наполеонъ продаетъ съ молотка похищенные имъ антики.

8. Паденіе Наполеона.

Разрушеніе всемірной монархіи.

ТЕРЕБЕНЕВЪ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ЕВРОПЫ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Сокрушеніе Наполеонова могущества

Французская карри-кату-ра.

II

НАПОЛЕОНЪ и КОАЛИЦІЯ.

Питтъ (вверху): Чортъ возьми! Плакали наши денежки...

СМОТРЪ.
(Роялистская карикатура).

Наполеонъ—въ дорогѣ на островъ св. Елены—за завѣщаніемъ.
(Роялистская карикатура).

БОЖІЯ КАРА, ПРЕСЛѢДУЮЩАЯ ПРЕСТУПЛЕНІЕ.
(Роялистская карикатура).

БАРКА ХАРОНА.

(Среди пассажировъ—Наполеонъ, его сынъ и Марія Луиза)

ПОБѢЖДЕННЫЙ и ПОБѢДИТЕЛЬ. НАПОЛЕОНЪ и ЛЮДОВИКЪ XVIII.

(Роялистская каррикатура).

КАЗАЦКАЯ УСЛУГА.
(Всадникъ позади казака—Людовикъ XVIII).

На милость побѣдителя.

Мирныя предложенія.

НѢМЕЦКАЯ
КАРРИ-
КАТУ-
РА.
III

Наполеонъ и его штатъ при переходѣ чрезъ Березину.

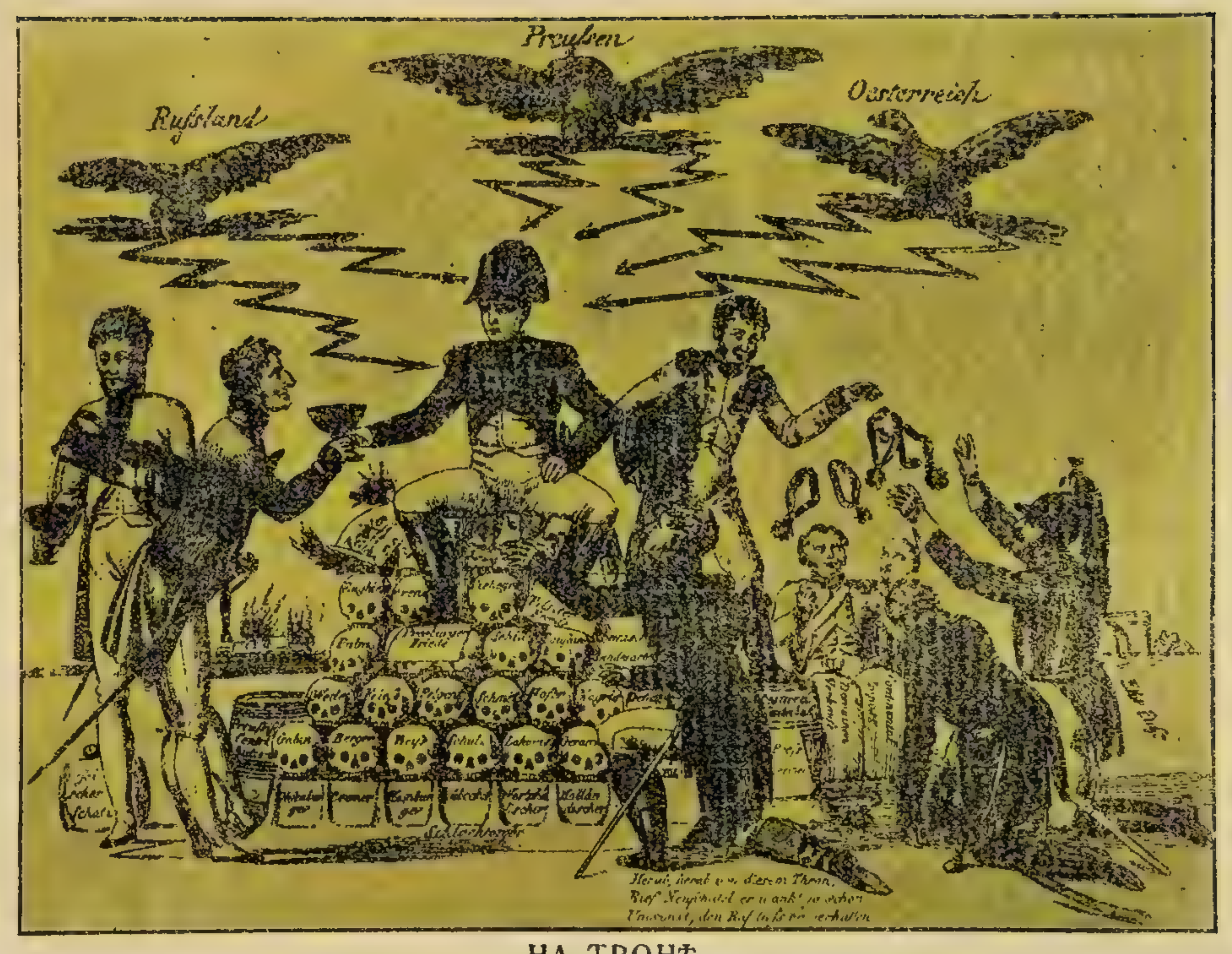

НАПОЛЕОНЪ НА БОЙНЯХЪ. (По поводу новаго набора).

НОВЫЙ РОБИНЗОНЪ КРУЗО.

Наполеонъ: — Треуголка и шпага, корона и скипетръ, — все погибло!...
Попугай: — Наполеонъ! Бѣдный Наполеонъ! Въ ночномъ колпакѣ? Гдѣ-же твоя треуголка?

НА ТРОНѢ.

Приближенный.—Умоляю васъ! Сойдите съ этого трона: онъ качается.
Наполеонъ.—Пустяки!

Англійская карри-катура.

IV

ЦАРЬ БРОБДИНЬЯКОВЪ и ГУЛЛИВЕРЪ.

Одинъ изъ шедевровъ знаменитаго англійскаго карикатуриста, наиболѣе полно развернувшаго свое дарованіе въ рядѣ карикатуръ Наполеона, который, какъ извѣстно, дѣятельно готовился къ высадкѣ въ Англіи.

Пигмей—въ сравненіи съ Англіей на морѣ,—Наполеонъ изображенъ, какъ царь бробдиньяковъ въ извѣстномъ произведеніи Свифта, маневрирующимъ въ бассейнѣ.

Король Георгъ-Гулливеръ—съ придворными дамами наблюдаетъ.

Позади—премьеръ Питтъ.

ДЖИЛЛЬРЭЙ.

НАПОЛЕОНЪ – ВОЛЧОКЪ.

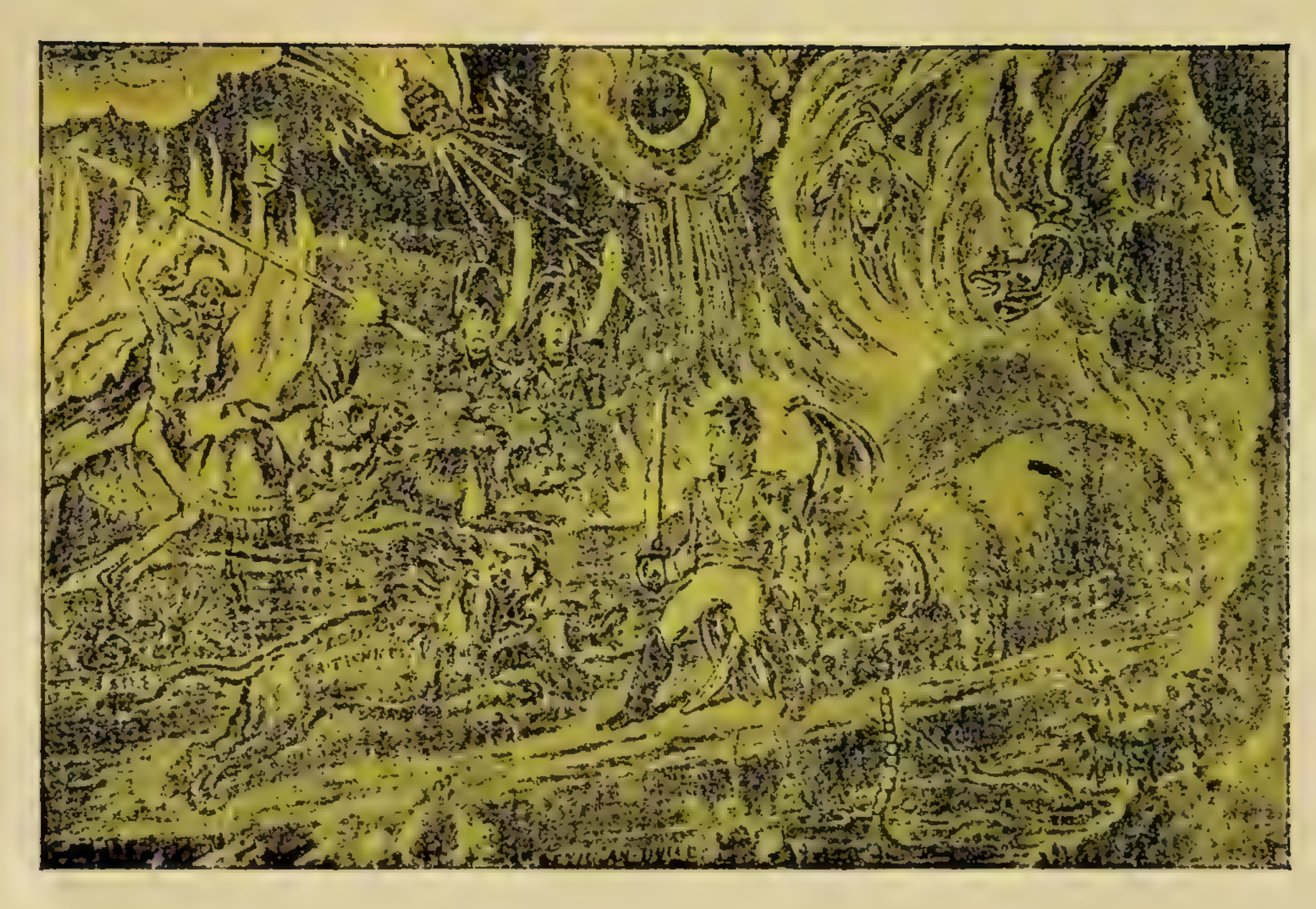
Гр. Ростопчинъ (наблюдая пожаръ Москвы): Все идетъ, какъ по маслу.

НАПОЛЕОНЪ и СУДЬБА.

Наполеонъ:—Ставлю все...
Смерть.—Бито!

ДЖИЛЛЬРЭЙ.

Наполеонъ въ аду.

РОУЛАНДСОНЪ.

КОРОЛИ УЖАСА.

РОУЛАНДСОНЪ.

Наполеонъ и правители.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Премія журнала „БУДИЛЬНИКЪ“ за 1912-й годъ.

